

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. П. БАЖОВА

В. В. Блажес

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ БАЖОВСКИХ СКАЗОВ

Среди многочисленных фольклорных сборников, появившихся на Урале в XIX–XX вв., есть лишь один, к которому обращаются все исследователи, если их интересует народная культура, – это сборник «Дореволюционный фольклор на Урале», вышедший в Свердловске в 1936 г. Он стал поистине классическим и сыграл важнейшую роль в литературной судьбе П. П. Бажова: до публикации сказов на страницах этого сборника и почти одновременно в журнале «Красная новь» (1936, № 11) не было писателя – был свердловский журналист и редактор П. П. Бажов. Но как только появились в печати его сказы, стало ясно, что родился оригинальный писатель. Каким образом произошло обращение П. П. Бажова к фольклору рабочих и жанру сказа, как создавался «Дореволюционный фольклор на Урале», каков вклад писателя в формирование названного сборника – этим вопросам и посвящена статья, основанная на архивных источниках, хранящихся в Государственном архиве Свердловской области: фонд 1615 «Свердловское отделение Союза советских писателей» и фонд 2266 «В. П. Бирюков». В. П. Бирюков, один из создателей сборника, писал об участии П. П. Бажова скупно: «Летом 1934 года я получил приглашение издательства составить сборник «Дореволюционный фольклор на Урале. Работа велась в течение двух лет. Когда обнаружилось, что у меня в книге слаб рабочий фольклор, П. П. Бажов предложил свои услуги и поместил в книгу первые три свои сказа на рабочие темы» [Бирюков, 1969, 23–24]. Но если обратиться к его дневниковым записям, картина предстает иной.

Несколько слов о Владимире Павловиче Бирюкове, поскольку он начал составлять «Дореволюционный фольклор на Урале». Он родился в 1888 г. в селе Першинском Зауралья. Как и Бажов, учился в Пермской духовной се-

минарии, затем в Казанском ветеринарном институте. Интересовался народным бытом, археологией, географией Урала, этнографией, диалектологией. В 1931 г. В. П. Бирюков переехал из Шадринска в Свердловск, стал работать ученым секретарем Уральского бюро краеведения и заниматься фольклором. Будучи опытным краеведом, но начинающим фольклористом и не имея гуманитарного образования, очень многое принимал на веру из того, что говорилось о фольклоре и фольклористике ведущими учеными того времени. Руководил фольклорной подсекцией литературной секции Государственной академии художественных наук академик Ю. М. Соколов. Под его редакцией выходил журнал «Художественный фольклор». Само название журнала отражало идею Ю. М. Соколова о том, что предмет фольклористики – художественность фольклора, отсюда шло утверждение фактической идентичности фольклора и литературы, фольклористики и литературоведения. В 1931 г. в Москве и Ленинграде прошли теоретические дискуссии на тему «Значение фольклора и фольклористики в реконструктивный период», и Ю. М. Соколов в своих выступлениях, хотя и оговаривался, что фольклор суть «своеобразная область поэтического творчества», утверждал: «Фольклористика – одна из важнейших частей марксистско-ленинского литературоведения» или: «Актуальные задачи современного рабочего и колхозно-пролетарского фольклора – те же, что и задачи пролетарской литературы» [Фольклор России, 1994, 7–8]. Иными словами, если фольклор – часть литературы и перед ним стоят те же задачи, что и перед литературой, значит, можно и нужно вмешиваться в фольклорный процесс, руководить им. Эта идея Ю. М. Соколова и его сторонников частично коррелировала с идеей Максима Горького, прозвучавшей в его докладе на I съезде писателей в 1934 году о том, что наступила эпоха раскрепощения, свободы народа и нужно ожидать новых народных художественных открытий, нужно обязательно поддерживать певцов, акынов, ашугов, помогать им; прозвучали имена Сулеймана Стальского, Джембула Джабаева и других исполнителей. В середине и второй половине 1930-х гг. создаются Дома народного творчества, проводятся семинары частушечников, сказителей, сказочников, профессиональные литераторы активно работают с народными исполнителями, помогают им создавать советские сказки, современные сказки, новые былины – так называемые новины о Ленине, Сталине, Ворошилове, например, вполне серьезно писали как о важном факте культуры о том, что П. И. Рябинин, потомок знаменитого сказителя Трофима Рябинина, за две недели сочинил былинку о Чапаеве. Сочинителей новин, сказочников принимали в Союз советских писателей как настоящих художников слова.

Подчеркнем, что с выступления М. Горького, призывавшего собирать, изучать и пропагандировать фольклор народов СССР, обретших все условия для подлинного творчества, и начинается широкое фольклорное движение в стране: в ряды собирателей вливаются участники Октябрьской революции и Гражданской войны, журналисты, комсомольцы, школьники; сборник «Дореволюционный фольклор Урала» был создан, как и другие фольклорные сборники, в этой атмосфере общесоюзного внимания к народному творчеству [см.: Батин, 1976, 60].

Через несколько дней после доклада М. Горького с редактором Свердловского издательства А. С. Ладейщиковым В. П. Бирюков заключает договор на «составление сборника уральского фольклора» и в этот же день записывает у матери врача Н. Г. Буткина две народные песни – так, 22 августа 1934 г. было положено начало будущему сборнику [Ф. 2266, д. 1385, л. 137]. В течение августа – декабря 1934 г. В. П. Бирюков записывает фольклор в разных местах Урала. По договору он должен был отдать сборник в издательство в январе 1935 г., но и в феврале материалы не были готовы. В. П. Бирюков записывает в дневнике, что дополнительно требуются «классификация материала, вводная статья, библиография...», а кроме того, некоторые разделы сборника еще не были готовы [Там же, л. 17]. Он обращается в Институт языка и мышления АН СССР и просит известного фольклориста Н. Е. Ончукова дать рекомендации по классификации фольклорных текстов. 25 февраля 1935 г. В. П. Бирюков впервые встретился с Е. М. Блиновой, которая, став редактором сборника вместо А. С. Ладейщикова, «посоветовала усилить собирание фольклора национальных меньшинств Урала и сделать его первым выпуском, а русский фольклор – вторым» [Там же, л. 36]. Но через четыре месяца, при встрече 15 июня 1935 г., Е. М. Блинова коренным образом меняет все направление работы: она требует ввести фольклор, «отражающий уральскую специфику, а также историю», в частности предания и легенды рабочих. «Решили с ней, – замечает В. П. Бирюков, – что я напишу письмо Ю. М. Соколову с просьбой взять на себя труд по отбору произведений, а также по написанию предисловия» [Там же, л. 66]. Через несколько месяцев Ю. М. Соколов прислал отобранный для сборника материал, вводную статью и «до 130 страниц комментариев, сделанных сотрудницей Юрия Матвеевича тов. Гофман» [Там же, д. 1386, л. 36] (отметим, что «тов. Гофман» – это Эрна Васильевна Померанцева, ставшая впоследствии известной фольклористкой). По сути дела, Ю. М. Соколов и его коллега помогли подготовить сборник к печати, однако и Е. М. Блинова не сидела сложа руки. Она просила журналистов, краеведов, знакомых литераторов записывать фольклор рабочих и эти записи также вводила в сборник. В апреле 1936 г. В. П. Бирюков высказывает за сборник, который получился весьма содержательным, благодарность редактору: «Спасибо судьбе, что она послала Е. М. Блинову...», однако в начале июня та сообщает ему, что решила отказаться от вступительной статьи Ю. М. Соколова и намерена из собранного материала многое «просто выбросить, чтобы сделать сборник более зубастым, т. е. социально насыщенным» [Там же, л. 125]. Она также просит В. П. Бирюкова составить словарь профессиональной речи старателей, горщиков, металлургов, гранильщиков, чтобы поместить их в приложение. Он выполняет ее указание, но пишет ей резкое письмо, в котором выражает «протест против ее диктатуры, против того, что она делается составителем, а я – только собирателем» [Там же, л. 180]. Е. М. Блинова действительно многое сделала: она не только инициировала других (в том числе Бажова) вести записи, но и сама записывала фольклор рабочих, написала комментарий, и в результате второй раздел, полностью состоящий из произведений рабочего фольклора,

настолько преобразил сборник, что она попросила обозначить ее имя на титульном листе рядом с именем В. П. Бирюкова. Он отмечает, что этот разговор происходил при П. П. Бажове: «Он был свидетелем нашей перепалки. Свидетелем, надо сказать, бесстрастным, я никак не мог понять, чью руку он держит, мою или Блиновой» [Ф. 2266, д. 428, л. 11]. Бажов, конечно, поддерживал Е. М. Блинову.

Участие в работе над сборником подтолкнуло писателя к созданию сказов, о чем сам он говорил неоднократно: в беседе с Л. И. Скорино в июле 1942 г., в письме к ней же от 25 июля 1947 г., в письме к М. А. Батину от 20 ноября 1949 г. и в беседе с ним 16 и 26 августа 1950 г. Причем Бажов подчеркивал роль Е. М. Блиновой: «Фактическим редактором была Блинова. Она поставила вопрос: почему же нет рабочего фольклора? Владимир Павлович ответил, что он его нигде не может найти. Меня это просто задело: как так, рабочего фольклора нет? Я сам сколько угодно этого рабочего фольклора слышал, слышал целые сказы. И я в виде образца принес им “Дорогое имячко”. Я хотел восстановить этот сказ так, как я его слышал. Мне казалось, что это было восстановление фольклора по памяти, причем я так и сказал, что я восстановил его по памяти, что я слышал его от В. А. Хмелинина...» [Бажов, 1955, 110]. В письме к М. А. Батину П. П. Бажов писал, что утверждение Бирюкова, будто нет рабочего фольклора, его не просто задело, а «возмутило», и когда он писал первые сказы для сборника, им владел полемический задор [Бажов, 1976, 427]. К. Боголюбов в воспоминаниях пишет о жарком споре в издательстве: «Первый свой сказ – “Дорогое имячко” Павел Петрович написал тотчас же после жаркого спора с одним из работников издательства, начисто отрицавшим существование рабочего фольклора». В июле 1936 г. Е. М. Блинова ушла из издательства, и редактором сборника стал П. П. Бажов, однако вновь вернувшийся в издательство А. С. Ладейщиков обозначен окончательно как редактор сборника, подписанного к печати в декабре 1936 г.

Сборник имеет два раздела. Первый раздел, составленный и прокомментированный В. П. Бирюковым, включает пословицы, поговорки, загадки, народную драму, разные жанровые разновидности песен, романсы и частушки. Второй раздел, составленный Е. М. Блиновой, содержит предания, сказы, сказки, исторические, рабочие, тюремные песни. В приложении даны образцы производственно-профессиональных словарей Урала – словарей горщика, доменщика, углежoga, графилыщика и кустара по выделке златоустовских ножей и вилок. Сюда же входит фольклорная терминология Урала, дающая информацию по народной фольклористике, затем следуют наблюдения В. П. Бирюкова над местной диалектной лексикой, озаглавленные как «Некоторые особенности русских наречий на Урале», приводятся биографии сказителей А. К. Молчанова, Д. М. Торопова, Г. М. Улитина, В. О. Шелковкина и завершает приложение краткая библиография уральского фольклора. Этот сборник – поистине коллективное собрание. В нем представлены записи примерно двадцати собирателей, а также материалы из архивов Свердловского и Челябинского краеведческих музеев. Кроме того, ряд произведений взят из опубликованных уже источников – «Литературной хрестоматии»

тии по истории Урала» (Свердловск, 1936), сборника «Песни революционно-го подполья» (Свердловск, 1935) и др.

Сборник несет многие следы деятельности П. П. Бажова. Во-первых, это его влияние на Е. М. Блинову. Совместная работа с ним ей многое дала, хотя она ко времени появления в издательстве уже была опытным редактором. Постоянно общаясь с Бажовым, она очень скоро смогла по достоинству оценить его обширные познания в области истории и народной культуры Урала. Она сама говорила об уникальности Бажова как знатока рабочего фольклора, выступая в апреле 1936 г. перед свердловскими писателями: «Разве вы умеете пользоваться фольклором?... Вы приводите частушки или песенки, или поговорки в нужных местах. Разве в этом огромная сила фольклора? Я недавно прочитала тов. Исетскому песню, записанную Бажовым в Сысертском о круге. Ведь это такой материал для писателя, что можно понять психологию рабочего. Когда говорите о прошлом, вы очень часто описываете кабаки и трафаретно пишете, что они шли в кабак записать свое несчастье. А вот если бы вы прочитали эти песни, вы увидели бы, как рабочие относились к кабаку, как высмеивали кабаки... Это необыкновенные вещи. Они совершенно иначе показывают нам уральского рабочего... Союз писателей не умеет использовать своих людей. У вас есть живая энциклопедия – т. Бажов. Почему его не использовать как следует, почему не заставить прочитать ряд лекций или провести ряд бесед с теми товарищами, которые работают над этими вопросами? Я, например, эксплуатирую т. Бажова» [Ф. 1615, д. 13, л. 176, 183]. Чувствуется, что для Е. М. Блиновой рабочий фольклор – открытие, и произошло оно благодаря П. П. Бажову. Признание Е. М. Блиновой об «эксплуатации» П. П. Бажова свидетельствует о большой роли, которую он сыграл в формировании самой идеи сборника, в определении принципов отбора текстов, если учесть, что сначала она планировала дать первым томом фольклор национальных меньшинств Урала, вторым – русский фольклор, а через четыре месяца общения с П. П. Бажовым, в июне 1935 г., резко изменила направление работы и стала нацеливать В. П. Бирюкова на собирание рабочего фольклора.

Во-вторых, П. П. Бажов «восстановил по памяти», а фактически написал для сборника сказы «Дорогое имячко», «Медной горы Хозяйка», «Про Великого Полоза». Они были опубликованы как фольклорные записи сказов В. А. Хмелинина, которые П. П. Бажов слышал в 1892–1895 гг. Такое «воссоздание» не противоречило концепции Ю. М. Соколова о художественном фольклоре, поэтому он в своем учебнике высоко оценил «записи» сказов П. П. Бажова, назвав его «собирателем» [см.: Соколов, 1938, 439].

В-третьих, П. П. Бажов принимал участие в редактировании сборника после ухода Е. М. Блиновой из издательства летом 1936 г. В. П. Бирюков в своем дневнике пишет: «Одно время мне пришлось уехать в Шадринск. В связи с редактированием книги Павел Петрович писал мне туда раза два. Письма сохранились...» – у Бирюкова здесь многоточие, писем он не цитирует [ф. 2266, д. 428, л. 11]. Их нет в ГАСО в фонде В. П. Бирюкова. Но если П. П. Бажов писал письма, значит, работал над сборником как редактор.

В-четвертых, П. П. Бажов выступил и как собиратель, и как автор ком-

ментариев. Он записал по памяти семь песен, которые распевала сысертская молодежь в конце XIX – начале XX в., во времена его молодости: «Прощай, Сысерть моя родная!», «О спичечных», «Эх Шиповка, ты Шиповка», «Здравствуй, матушка Сысерть!», «Барин Кромбер молодой», «На Трофимовском угоре», «О “цапле”». Все эти песни вошли во второй раздел сборника. Он также сообщил ряд местных афоризмов, о чем пишет сам В. П. Бирюков: Бажов «дополнил мой список пословиц и поговорок такими: в церкви поют, а в кабаке и того веселее; два орла в кармане, а сукин кот на спине; муха святого духа; от монетного двора на площади царского орла получил» и др. В. П. Бирюков также отмечает в комментариях, что «по воспоминаниям Бажова» он дает описание народной драмы «Шайка разбойников», которая в конце XIX в. ставилась в селе Левшине около Перми. П. П. Бажов написал комментарии к сысертским песням, в которых подробно охарактеризовал местного балагура Николая Медведева, по уличному прозвищу «Мякина»; прокомментировал сказ «Медной горы Хозяйка», написал объемное примечание к сказу «Дорогое имячко». В комментариях Е. М. Блиновой есть ссылки на «уральского журналиста» Бажова. Он ей сообщил сведения об Азов-горе и пролегавшей возле нее дороге в Сибирь, о бытовании проголосных песен, частушек, устных рассказов «о всякой чертовщине, связанной с добыванием кладов», о «хранителе земляного богатства Великом Полозе», о Думной горе, Девке Азовке... П. П. Бажов рассказал Е. М. Блиновой о том, что такое «тайный сказ» в понимании старых рабочих, в частности В. А. Хмелинина, и именно с его подачи в фольклористику вошел этот жанровый термин. Многие мысли, высказанные П. П. Бажовым в сборнике «Дореволюционный фольклор на Урале», позже были им развиты во вступительной статье к «Малахитовой шкатулке», а также в очерке «У старого рудника», в его выступлениях на конференциях в 1940-е гг., в устных беседах с литераторами, в статьях «О путях к чудесному», «На главную улицу устного творчества» и др. П. П. Бажов во многом инициировал создание первой фольклорной экспедиции в горнозаводские районы Урала, консультировал участников – экспедиция была создана в ноябре 1944 г. Свердловским областным отделом по делам искусств. М. Г. Китайник, доцент УрГУ, в своих воспоминаниях пишет, что когда он начинал работать в 1943 г. на филологическом факультете, то столкнулся с рядом «фольклорных» вопросов, которые помогал решать П. П. Бажов. Он давал методические советы по собиранию рабочего фольклора, рекомендовал определенные населенные пункты и т. п. Н. В. Кузнецова, студентка тех лет, говорит, что запомнила одно выступление писателя на факультете, когда он настойчиво повторял необходимость обращения к архивным источникам, уверяя, что в архивах можно найти более значительные, чем в книгах, факты, приводил пример насчет возникших еще в конце XVII в. по народной инициативе «мужицких» заводов, на которых впервые началось сыродутное производство железа. Он говорил о народной предприимчивости, благодаря которой на Урале были открыты все крупные месторождения железа, цветных металлов, асбеста, – это отражено в фольклоре, надо только найти. Нет необходимости множить примеры – деятельный интерес к рабочему фольклору писатель сохранял до конца жизни.

Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955.

Бажов П. П. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1976.

Батин М. А. Павел Бажов. М., 1976.

Бирюков В. П. Уральская копилка. Свердловск, 1969.

Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1938.

Фольклор России в документах советского периода, 1933–1941 гг.: Сб. документов. М., 1994.

Е. Е. Приказчикова

КАМЕННАЯ СИЛА МЕДНЫХ ГОР УРАЛА

Термин «каменная сила» Бажов использовал в сказе «Золотые дайки» при характеристике состояния старателя-кержака Ерофея Маркова, первооткрывателя золота на Урале. Именно власть «каменной силы» заставляет его выпустить «золотого змея из земли». Однако можно сказать, что эта «каменная сила» владела и самим Бажовым, заставляя писать все новые и новые сказы об уральском горном топосе, Каменном поясе России.

Камень в фольклоре и мифологии многих народов традиционно понимается как «некая основа, центр мира... скрепляющий небо и землю» [Турускова, 2003, 222]. Одновременно он несет в себе «символ Божественного присутствия, духовного влияния», заключает в себе «защитные и оплодотворяющие силы», является «средоточием Божественных токов и космической энергии» [Жюльен, 2000, 167]. У Бажова камень – основной символ сказов и одновременно бытийная данность для Урала – каменного царства по сравнению с Центральной Россией. Идеальным воплощением каменного царства являются горы, заключающие в себе представление о духовной высоте центра мира как «символе превосходства, вечности, чистоты, постоянства, подъема, устремленности, вызова» [Тресиддер, 1999, 62]. Не случайно абсолютное большинство сказов Бажова имеют «горы» в качестве идеального топоса¹.

И гора у Бажова не случайно называется Медной, так как это отражает реальность горнозаводского Урала. Медная гора, или просто Гора, находилась вблизи Полевского завода (в 60 километрах к юго-западу от Екатеринбурга), который был построен в 1727 г. именно как медеплавильный. Плавка

¹ Кроме классических «Дорогого имячка», «Старых гор подаренья», «Медной горы Хозяйки», «Каменного цветка», «Горного мастера», «Двух ящерок», «Таюткина зеркальца», «Приказчиковых подошв», «Маркова камня», «Васиной горы», «Далевого глядельца», где горный топос представляет собой основной сюжетобразующий мотив, можно вспомнить и «Сочневы камешки» с их топосом Красногорки, и «Травяную западенку» с Карасьей горой, куда приходит в поисках малахита Яшка Зорко, и «Кощачьи уши» – с Думной горой, и «Жабреев ходок» с их каменными губами на горе у мурашиной тропы, и «Синюшкин колодец» с прииском у Белого камня и, наконец, «Шелковую горку» как место добычи уральского асбеста, «Золотоцветень горы» с его гимном камню-хризолиту, «Тяжелую витушку» с Васькиной горой.